II.

Окрестности Москвы.

Нигдѣ не былъ я такъ щастливъ, нигдѣ, думаю, сердце Рускаго не найдешъ столько наслажденій и радостей, какъ въ *Москвѣ* и ея окрестностяхъ. Я видѣлъ великолѣпные сады *Пулавы* *), восхищался красотою природы и могуществомъ искусства *Новой Аркадіи* **), наслаждался прелестными видами *Силезіи*, собственными шагами измѣрилъ величественныя горы *Богеміи*, провелъ много щастливыхъ, пріятныхъ дней въ очаровательной *Саксоніи*, — но духъ мой искалъ чего-то сокровеннаго, непонятнаго... Все видимое мною являлось въ сумракѣ печальномъ: я былъ далеко отъ родины! — Нѣтъ, не повѣрю никому, чтобы можно было найти блаженство въ удаленіи отъ милаго семейства, котораго щастіе было и моимъ щастіемъ, котораго горести равно были

*) Въ бывшемъ Герцогствѣ Варшавскомъ, на Вислѣ, принадлежащіе *Княгинѣ Чарторыжской*. Подробное оныхъ описаніе помѣщено въ запискахъ моихъ. *Р.*

**) Такъ называется прекрасный садъ *Графини Потоцкой*, подъ мѣстечкомъ *Ленчицею*.

всѣмъ чувствительны, не повѣрю, чтобы о друзьяхъ дѣтства, о невинныхъ забавахъ юности когда либо могъ говорить я равнодушно; чтобы родной языкъ свой, на которомъ сталъ выражать первыя ощущенія души моей, промѣнялъ на звуки языка чуждаго, употребленію котораго училъ меня разсудокъ, а не сердце! И вы, люди вѣчно мнѣ любезные, къ которымъ привязанность содѣлалась для меня безцѣнною необходимостію — уже ли въ силахъ буду забыть васъ и горькимъ опытомъ отравленные дни влачить въ одиночествѣ!... Нѣтъ, благодарю Провидѣніе, я опять въ Россіи, опять дышу воздухомъ отечественнымъ!

Съ сердечнымъ прискорбіемъ долженъ я отдать справедливость иностранцамъ, что ни одно мѣсто, достойное любопытства и вниманія, въ какомъ бы отношеніи ни было, не оставлено у нихъ безъ описанія! Для глазъ, для сердца вашего новость теряетъ свою цѣну, но обильный источникъ для мыслей раждается въ воображеніи. Воспоминаніе сближаетъ предметы отдаленные, и прошедшее сливается въ душѣ вашей съ на-

стоящимъ. — Среди пустыннаго поля возвышается простой, весьма непышный памятникъ; художникъ, его работавшій, не заслуживаетъ вниманія; слишкомъ скромная его наружность не производитъ никакого вліянія, но вы узнаете, что на семъ мѣстѣ палъ одинъ изъ величайшихъ геніевъ прошекшаго вѣка — и каменный столпъ сей представляется вамъ несокрушимымъ обелискомъ безсмертія, и слезы удивленія противъ воли струятся изъ очей вашихъ! — На пути вашемъ смиренно возносится мирная роща; съ обыкновеннымъ ли чувствомъ будете вы наслаждаться прогулкою, если ли узнаете, что она была нѣкогда ощастливлена присутствіемъ великаго Декарта, необыкновеннаго Вольтера или добраго, чувствительнаго Автора новой Элоизы?... Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдная существенность не можетъ наполнишь сердца нашего: духъ нашъ требуетъ дѣятельности ошвлеченной. Возносясь, такъ сказать, за предѣлы міра физическаго, человѣкъ постигаетъ цѣль своего назначенія! Однѣ мечты и наслажденія душевныя дѣлаютъ насъ щастливыми!

Никогда настоящее не можетъ удовлетворить насъ! Изъ сего слѣдуетъ истина неоспоримая, что человѣкъ есть болѣе нравственное нежели физическое твореніе великаго Строителя міровъ!

Въ чувствахъ, въ способности восхищаться изящнымъ заключена тайна щастія нашего! И что болѣе доставляетъ пищи уму и сердцу, какъ не созерцаніе разнообразной, богатой чудесами и прелестію природы? Но однѣ и тѣже красоты, тѣже луга, рощи, зданія, неподвижно предъ очами стоящія, не возбудятъ чувствъ великихъ, необыкновенныхъ, — мечты производятъ въ насъ постоянное чувство удовольствія! Въ томъ же сладостномъ, печальномъ унынiи застанетъ меня сегодня кроткая луна подъ тѣнію вѣковаго дуба, осѣнявшаго тѣнію своею предковъ моихъ, какъ и за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Дерево сіе никогда не измѣнитъ для меня своей прелести. Я воспоминаю прошедшее, воображаю, какъ многіе добрые старцы въ тихомъ кругу кровныхъ привѣтствовали здѣсь заходящее солнце, и можетъ быть угадывали, что нѣкогда, исполненные

къ ихъ памяти благоговѣнія, правнуки посвящатъ имъ нѣсколько мгновеній! Еще съ большимъ восхищеніемъ человѣкъ гражданинъ воспоминаетъ о подвигахъ своихъ сообщественниковъ. Рускіе всѣхъ временъ, всѣхъ состояній близки сердцу Рускаго! Съ образованіемъ обществъ обширнѣйшія Государства превратились въ единыя семейства! Слава и знаменитые подвиги единаго сдѣлались собственностію всего народа, и Рускіе доселѣ съ благородною гордостію произносятъ имяна Святославовъ, Пожарскихъ, Петровъ!...

Нигдѣ нѣтъ болѣе слѣдовъ славы народной, какъ въ *Москвѣ* и ея окрестностяхъ! Съ шѣхъ поръ, какъ скромные берега Неглинной обратили на себя вниманіе Князей Россіи, отъ владычества *Юрія Долгорукаго* до незабвеннаго 1812 года, въ мрачныхъ сводахъ почти погребеннаго въ землѣ храма Спасителя нашего (на бору) и на недосязаемой вершинѣ Ивана Великаго, на Красной площади и въ стѣнахъ монастыря Донскаго, на шумной Тверской и въ уединенныхъ садахъ Коломенскаго — вездѣ сіяютъ

доблести предковъ нашихъ, вездѣ возбуждающія священныя воспоминанія, исполняющія душу восторгомъ неизъяснимымъ! — И до сихъ поръ нѣтъ у насъ подробныхъ описаній всего, что заслуживаетъ вниманіе Патріота! — Виргиліи, Томсоны, Делили нашли у насъ достойныхъ переводчиковъ, а величественная, прелестная природа Руская не найдетъ своего Виргилія Рускаго!

Съ какимъ неизъяснимымъ удовольствіемъ провелъ я нѣсколько золотыхъ дней моей жизни, наслаждаясь разнообразною красотою натуры и силою искусства въ единственномъ *Царицынѣ*. Огромный, къ сожалѣнію, еще неокончанный дворецъ и доселѣ носитъ отпечатокъ величія безсмертной своей Строительницы, представляетъ взорамъ нашимъ щастливыя событія, въ продолженіе блистательнаго ея царствованія совершившіяся! Слава тебѣ, великій вождь Россовъ, слава, доблестные сыны Сѣвера! Имя побѣдителя при *Кагулѣ*, имя героя *Задунайскаго* всегда будетъ незабвенно Рускимъ, но при вступленіи въ великолѣпные сады сіи, прелесть прогулки получаетъ

новую цѣну воспоминаніями прошлаго! Любовь къ Отечеству родится съ первымъ понятіемъ нашимъ. Побѣды Генриха и знаменитыя дѣянія Лудовика XIV драгоцѣнны только Французамъ, — иностранецъ пройдетъ равнодушно мимо обелиска Пожарскаго. — Расположеніе сада, чудесные, разнообразные въ немъ виды; скромные и великолѣпные, на холмахъ возвышенныхъ и въ чащахъ непроходимыхъ, на берегу озеръ и на цвѣтущихъ островахъ разбросанные храмы и бесѣдки, древнія развалины и хижины, гроты и статуи, зеркальная поверхность чистой воды, волнуемая рѣзвящимися веслами плавателей, прелестныя рощи и величественныя аллеи; луга, ароматными цвѣтами усѣянные и лѣса непроходимые — однимъ словомъ все, что природа изящнаго, что искусство прекраснаго имѣетъ — все найдете вы въ *Царицынѣ*!

Съ непріятнымъ чувствомъ видѣлъ я всюду Французскими стихами и прозой исписанныя стѣны! Было время, когда знаніе языка сего почиталось знакомъ особенной образованности и блестящаго

воспитанія — охотно бы простилъ я тогда маленькое тщеславіе моимъ соотечественникамъ, но когда на всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ почти переднихъ и кухняхъ вельможей нашихъ раздается языкъ скитающихся потомковъ Галловъ, когда *Державинъ*, *Дмитріевъ*, *Карамзинъ*, *Жуковскій* обогатили насъ произведеніями неподражаемыми, когда Словесность наша имѣетъ опасныхъ соперниковъ Горацію и Пиндару, Федру и Лафонтену, Флоріану и Мейснеру, Грею и Коллардо — въ то время Рускому нетрудно, кажется, найти выраженія чувствъ своихъ на высокомъ языкѣ своихъ предковъ!...

Не съ простымъ только любопытствомъ приближался я къ *Коломенскому*, на неприступномъ берегу Москвы рѣки возвышающемуся. Садъ здѣшній не понравится человѣку, пріѣхавшему искать за городомъ разсѣянія. Остатки жилища мудраго Царя Алексѣя Михайловича, деревянный, полуразвалившійся дворецъ, Екатериною сооруженный, древняя, огромная, но весьма простой архитектуры церковь не обратятъ на се-

бя вниманія видѣвшаго Римъ, развалины Помпея и Геркулана! Но для меня... признаюсь въ своемъ невѣжествѣ... Коломенское имѣетъ болѣе прелестей, нежели всѣ привлекающія путешественниковъ красоты Швейцаріи и береговъ Рейна! Сидя на возвышенномъ всходѣ храма, часто забывалъ я настоящее, былъ невидимымъ собесѣдникомъ добраго, милостиваго родителя Петра Перваго, видѣлъ его въ часы отдохновенія въ кругу Бояръ приближенныхъ, утомленнаго долгою прогулкою или соколиною охотою, бесѣдующаго о благѣ своего народа; слѣдовалъ за нимъ въ уединенную его обитель, былъ свидѣтелемъ въ тихіе часы полуночи неусыпныхъ трудовъ, видѣлъ *уложеніе*, для благоденствія народовъ, державною его рукой начертанное... видѣлъ, чувствовалъ много — изъяснить чувствъ моихъ не умѣю!.. Съ крыльца церковнаго великолѣпное открывается зрѣлище! Въ туманномъ отдаленіи древняя столица Россіи, свѣтлая Москва у ногъ вашихъ, множество селъ, луговъ, полей и рощей предъ очами — все составляетъ прекраснѣйшую картину для

глазъ, производитъ пріятное ощущеніе въ сердцѣ и воображеніи!...

Хотите ли видѣть все, что роскошь, вкусъ и богатство могутъ представить прелестнѣйшаго, величественнаго! Слѣдуйте со мною въ *Петровское*, принадлежаще Графу *Л. К. Разумовскому*. Пышный чертогъ владѣльца величаво стоитъ на благоуханномъ коврѣ цвѣтовъ. Все, что царство растеній имѣетъ рѣдкаго, все, что можетъ очаровать зрѣніе и обоняніе, изящнѣйшія произведенія рѣзца Фидіева, искуство Ленотра — все восхищаетъ духъ... и воображеніе невольно переноситъ насъ въ очаровательное жилище Армиды.

Многимъ не нравятся сады правильные — Англичане первые, для сохраненія милліоновъ рукъ, обреченныхъ для безчисленныхъ трудовъ сихъ, изобрѣли средство дикія, непосѣщаемыя дубравы обращать въ увеселительныя гульбища. Но иногда мѣстоположеніе, родъ различныхъ растеній и *возможность* даютъ право измѣнять по произволенію образъ и расположеніе деревъ, которыя въ природномъ видѣ своемъ не произ-

водили бы никакого пріятнаго впечатлѣнія. Единообразная, мрачная ель дерзкою рукою садовника получаетъ новую жизнь, новую прелесть!.. Природа, въ соединеніи съ искуствомъ, имѣетъ большее право намъ нравиться,—самолюбіе человѣка находитъ себѣ пищу! — Регулярный садъ, соединяясь съ прекраснымъ паркомъ въ Англійскомъ вкусѣ, придаетъ еще болѣе красотъ Петровскому.

Естьли тайная, жестокая горесть томитъ духъ вашъ, естьли сердце ваше не находитъ сердца, ему сострадающаго — спѣшите въ уединенное *Кунцово*! Тамъ, на вершинѣ величественной, грозной скалы, надъ тихою Москвою, въ чащѣ дубовъ и вязовъ столѣтнихъ возносящейся, или въ мрачныхъ вертепахъ печальныхъ рощей все будетъ раздѣлять, питать унынiе ваше! Ни что не прерветъ задумчиваго мечтанія; тишина и ужасная мрачность природы согласуются съ чувствами души вашей! Но величественная картина отдаленнаго, прелесть мѣстоположенія невольно заставятъ васъ помириться съ жизнію, въ которой есть еще наслажденія, ни людьми, ни случаемъ неотъемле-

мыя: они заключены въ сердцѣ нашемъ, въ созерцаніи великолѣпныхъ красотъ природы! —

Прекрасное, богатое пріятностями и гостепріимствомъ *Люблино*, гордыя *горы Воробьевскія*, съ которыхъ обширная Москва во всемъ блескѣ и величіи является изумленному взору, тихое *Останкино*, убѣжище отъ шума столичнаго, прелестное *Свирлово*, обитель вкуса и сельскихъ радостей! примите мою признательность за тѣ сладостныя часы, которые провелъ я такъ щастливо въ мирныхъ сѣняхъ вашихъ!... Для чего не имѣю я столько дара, чтобы въ настоящемъ видѣ представить васъ для всѣхъ любителей прекраснаго, для сердецъ чувствительныхъ, умѣющихъ цѣнить и восхищаться изящнымъ! —

О Отечество мое! въ чемъ отказала тебѣ природа? Италіянцы прославляютъ свои Альпы и цвѣтущія поля Неаполя: они не видали гордаго Кавказа и благословенной Тавриды!.. Жители береговъ Рейна превозносятъ благотворительность водъ его и обиліе винограда! Что сказали бы они,

взглянувъ на благословенное теченіе Волги или на богатые берега Тихаго Дона?... Чужеземцы восхищаются великолѣпіемъ Берлина и Венеціи: исчезло бы ихъ восхищеніе, естьли бы они видѣли величественный Петрополь!... Благодарю Провидѣніе, что я родился подъ небомъ Рускимъ!...

Андр. Раевскій.